

Ольга Бриз-Трошина

Тайна Горы Тарнук

16+

Ольга Бриз-Трошина
Тайна горы Тарнук

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бриз-Трошина О.

Тайна горы Тарнук / О. Бриз-Трошина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-07360-9

Признайтесь, вам никогда не хотелось превратить зловредную математичку в паука? Вы разве не мечтали, что перед контрольной учительница **ВДРУГ, НЕОЖИДАННО**, простудилась, улетела отдыхать, ну, или просто заблудилась в двух шагах от школы? Ать, два – развернулась, и, вместо школы, отправилась в лес. Самый настоящий. Особенно такой, как в нашей книге – Дальний. Столкновение двух миров неизбежно. Помощи ждать неоткуда, наблюдатели - раса тарви - соблюдают нейтралитет. Стражи леса, дети, и, да, учителя объединятся против общей угрозы. Какой? Узнаете! Будут и приключения, и страшненькое! Волшебство идёт в школу! **ГО-ТОВЬ-ТЕСЬ!**

ISBN 978-5-532-07360-9

© Бриз-Трошина О., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1. Наши дни. Гора. Тарви	8
2. Дальний лес. Гости	11
3. Деревяшка. Начало	14
4. Необычный обход	15
5. Дальний лес. Поход	18
6. Начало	20
7. Психолог	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Темниковой Людмиле Михайловне,
Каменской Елене Петровне, посвящаю.

Пролог

Двести лет назад.

– Про-охор! Волчье племя!!!

Темнота и туманная мгла покрыли и крик, и самого бредущего: тот шумно дышал, ступал неуверенно, тяжело – третьи сутки без сна. Давно должны были выйти к деревне, но лес всё не заканчивался... Сквозь тучи прорвалась, ослепив, ярко-жёлтая луна, и вокруг сразу забормотало, запузырилось. Подошвы начали проваливаться во что-то податливое и мягкое.

– Куды завёл?! – встрепенулся мужик. – Потрох свиной! – стылая осенняя вода мгновенно забралась за голенища. – Гутарил, Филюрины – от сто вёрст ...?! – ткнув батоном, и не ощутив дна, мужик, едва не свалившись, выругался: полы длинного шерстяного сюртука изрядно отяжелели.

Схватив обеими руками спасительный шест, – между руками что-то свисало, – заблудившийся крутанул головой, и, на мгновение, оцепенел: позади никого не было.

– Шельма! – прошипел Никифор, лёгкое облачко его дыхания слилось с сизым туманом, столбом поднимающимся вверх, – убёх!

Он до боли вглядывался в темноту, вертелся, и, уже с трудом отрывая ноги, успел сделать несколько размашистых шагов до того, как трясина проснулась...

Повезло – племяш тоже зуб на отца имел. И хотя не доверял ему Никифор, – барчук барчуком, – выхода не было, пришлось наобещать с три короба. Племянник, прирождённый охотник, знал эти места, как свои пять пальцев. Лес уважал, и тот отвечал ему тем же.

Убёг Прошка, провёл, как отрока сопливого. Тяжесть в руке вернула желание действовать. Со своей ношей Никифор не расстался бы ни за что на свете. Утерев злые слёзы, он повыше поднял большой мешок. Неуклюже переваливаясь, беглец прощупывал батоном дно, с силой вырывая то одну, то другую ногу. «Утоп, может?» – пронеслось вдруг, но не вызвало ни тени сожаления. При свете луны, насколько хватало взгляда, открывалась безрадостная картина: тёмная гладкая поверхность, утыканная корягами, плывущими сучьями, островами высокой болотной травы. В очередной раз Никифор выдернул ногу уже без сапога. Сапоги справил совсем недавно, к кожевнику аж на край Алтоновки наведывался. Получилось то, что нужно: высокие голенища, складки в палец толщиной – предмет особой гордости, даже каблук имелся. Хотелось Никишке походить во всём на родного брата, да только купец Михаил, сын Петра, таковым его не считал в силу ряда причин.

Он боролся, дёргаясь, как муха в паутине, но топь подобралась, и начала стискивать в зловонных объятиях. Сильный, – тридцать годков только минуло, – Никифор быстро выдохся. Рванув за отворот, он избавился от сюртука. Тут же пожалел: сюртук справный, тёплый. А картуз он ещё в лесу посеял.

Время, казалось, исчезло, или кружило на одном месте, так же, как озябший и дрожащий беглец, чьи руки наливались свинцом. Откинув со лба прилипшие жидкие волосы, сделав ещё одну попытку вырваться от сжимающего кольцами невидимого змея, Никифор бросался из стороны в сторону, ища хоть какую-то твердь, но всё время наткнулся только на коряги и торчащие острыми пиками в воде голые стволы ольхи и берёзы. Как безучастный свидетель, равнодушно блестела, завораживала гостя, вязкая тёмная гладь. Где-то ухнул филин. Тоже смеялся...

– Надул...надул..., – как безумный, бормотал Никифор.

Болото дразнило, играло, вспучивая то здесь, то там быстрые воронки.

– Да что ж это...Про-о-о-шка! – крик взметнулся к вершинам высоченных деревьев где-то на краю топи, и вернулся обратно. – Про-о-о-хо-о-р!

Беглец уже не сопротивлялся, вяло наблюдая за тем, как внутри головы разливается туман. Через полуприкрытые веки он видел, как высыпали на болотную гладь звёздочки. Высыпали и разбежались, образуя бесконечную линию. Его шатнуло, пришла глупая мысль: «вона как... не страшно совсем». В ореоле пляшущих звёздочек показалось знакомое лицо: русые косы, глаза, за которыми Никифор и на край света бы пошёл. Он из последних сил налёг на батог, прогоняя видения, но тот выскользнул из оцепеневших рук, и мужик оказался по плечи в болотной гнили.

– Никифор, – раздалось где то совсем рядом, – ступай! – голос, казалось, исходил оттуда, где резвились звёздочки, где плыли Варины глаза. Голос прятался, смеялся над тонущим.

По подбородок в воде, ещё ворочаясь, Никифор криво улыбнулся.

– Врёшь! – шептал он неслушающимися губами, – схоронился, думаешь, – Прощка..., – голова беспомощно повисла, мужик зачерпнул ртом затхлой воды.

Сон это или бред, не имело значения: последние силы иссякли, и всем весом Никифор рухнул туда, где ждал последний приют...

Ещё очень долгое время никто не знал, ни куда исчезли брат купца Михаила Аверьянова, Никифор, и его племянник Прохор Плешак, ни куда исчезло золото купца...

Часть первая

1. Наши дни. Гора. Тарви

Темнота может и не быть крошечной. Если, конечно, у вас есть пара глаз, которые двигают её мягким, жёлтым светом.

На этом его сходство с плотными, с Третьей силой, заканчивалось. Небо было чистым. Втянув звёздный воздух едва заметными под низким, выпирающим лбом, отверстиями, он стал тяжело, грузно спускаться. То пригнувшись, пригибаясь длинным туловищем, то выпрямлялся, позволяя всем четырём конечностям разогнаться. Глаза всё труднее нащупывали привычные ориентиры. Если верить им, вокруг только туман и грязно-зелёные пятна.

– Он то у я ра сс! ¹

Гулко заворочались, пробуждаясь, где-то там наверху, крупные красноватые камни, и секундой позже, просыпались вниз сплошной стеной. Это было неожиданно.

– Зз!² – в лапу воткнулось остриё.

Взвыв от боли, он обхватил ступню обеими лапами, но тут же загремел мордой вниз, сметённый основным мощным потоком. Камни стучались и отлетали друг о друга, их догонял шлейф из мелких невидимых песчинок.

– Ири ма нэ та тирех!³ – выругался высокий, вцепившись когтями в землю. Он подтягивал к себе задние лапы, инстинктивно заслоняя голову от беспорядочных ударов – булыжники всё ещё летали. Таким ученики не должны его видеть. И не увидят. Противоположный, утопающий в деревьях, склон Таану, огласился воем...

Беликан давно забыл, где заканчивался тот, чью капсулу несколько сотен лет назад выплюнул громадный челнок со Шра-Ни, и капсула немедленно врылась глубоко под землю. Неразвитая хорда внутри желеобразного сгустка шевельнулась, и начала расти – через сутки она полностью заменилась позвоночником. А ещё через сутки обозначились зачатки конечностей – верхних, нижних и боковых.

Шестипалая лапа нащупала чуть ниже макушки, над загривком, небольшой овал под прозрачной пластиной. Только он, третий, не обманывал, и всё чаще сигнализировал о том, что светила на небе приняли нужное положение. Такое же, как на схеме, заложенной за много галактик от Зилеварии. Значит, уже совсем скоро Они будут здесь. Отдышавшись – камнепад, наконец, прекратился, – высокий понял, что спустился не по своей тропе. Его тело его обмануло. Как скоро всё внутри будет против? И почему всё труднее становилось дышать? То, то шкала его ль-а⁴ дошла до самого предела, он знал. Запрокинув голову, – как всегда, навалилось режущее изнутри ощущение, – он завыл.

– А ю у-у-у-у! А ю у-у-у-у!

Волки по ту стороны горы смолкли. Тоскливый вой проник через грубую шкуру безжалостных хищников, а по их хребтам прошла дрожь.

Он спустился к самому подножью Таану⁵. Здесь что-то изменилось, понял он по неуловимым признакам. И это не показалось.

---

¹ Никуда не годятся (третья сила)

² Выражение досады (третья сила)

³ Пусть кровь твоя остынет! (третья сила)

⁴ Жизнь (третья сила)

⁵ Тарнук (третья сила)

– Туяра. Су на ли таа па⁶, – произнёс он в пустоту, и, вздохнув, медленно опустился на облако из тумана. Два его ярких луча обшаривали пространство перед собой.

– Тарви и я у та⁷ – произнёс незнакомец, скрестив руки на груди, и обведя поляну взглядом. Слегка наклонив голову, он сделал руками движение вверх – вниз, как будто отрывая невидимую заплату. Потом ещё один слой. В темноте образовалась мерцающая прореха, внутри которой стремительно светлело. Великан вперился в гладкую поверхность. Там были только неясные, размытые пятна, но постепенно картинка прояснялась. Что-то похожее на больших летучих мышей, – мыши по размеру, и по форме напоминали футбольный мяч, спрятанный в складках кожаного капюшона сероватого цвета, – покружив в воздухе, опустились на дубовую ветвь. Та надсадно скрипнула. Единственный зритель подался вперёд – рассмотреть поближе.

Из-под капюшона на него смотрели глаза совооких. Только гораздо больше, широко расставленные, с очень толстыми веками. На всё вокруг они взирали одинаково бесстрастно. Бескровные покровы контрастировали с живыми красками поляны. Больше внутри кожаной складки ничего не было. В конечностях представители высшего разума не нуждались. Высокий внимательно прислушивался: между двумя существами шёл разговор, больше напоминающий птичий щебет. Он понимал язык тарви.

– Вы всерьёз думаете, это поможет? – говорил один из капюшонов.

– Если нет, тогда Зилеварии – конец. Помните, Штворну? А Сидкусма Ри 5? Окраинные, ничем не примечательные галактики.

– Почему мы не вмешались?

– Вы же знаете – вселенная бесконечна. Сигналы приходят с опозданием.

– Что сейчас?

– Цивилизация Шра-Ни опять дала о себе знать.

Высокий вздрогнул, подавшись вперёд всем телом.

– Враги?

– Да. Они первыми проникли на Зилеварию. За эту платформу давно шла война.

– Как им удалось? Насколько мне известно, во вселенной отсутствуют те, кто из-за своей, м-м, формы, могут проникнуть сюда.

– Эти смогли. Мы их недооценили. Они здесь не сами. Посланцы.

– Мы поможем Зилеварии? – торопясь, задал вопрос второй.

– Это нарушит расстановку сил. Ничего нового: всё начинается в незначительных точках. У жителей этого пространства важная миссия – спасти всю платформу! Кроме нас, тарви, шанулов, есть ещё третья сила. Она поможет им. В нашей вселенной, как она ни многомерна, такой силы нет.

– Насколько она весома?

Высокий усмехнулся: «Что эти тарви могут знать? Для них, что нечисть, вечный ужас совооких, что третья сила – одно и то же».

– Когда они думают, что её нет, то – не весома. Но, столкнувшись хоть раз, они её оценят. Великан довольно кивнул.

– Главное, не пропустить момент. Одирсиз, я надеюсь на вас. Будет печально узнать, что мы опоздали.

Поднявшись, и зависнув над лесом, короткими вспышками капюшоны растаяли в предутреннем сумраке. Разговор остался тайной для всех видимых и невидимых обитателей леса. Едва сдерживаясь, высокий растянул тонкие губы в улыбке, обнажив маленькие неровные и острые, как у рыбы, зубы. Нос картошкой расплющился, сделался ещё шире. Повинуясь

---

⁶ Наконец-то. Я так долго ждал (третья сила)

⁷ Наблюдатели. Они были здесь (третья сила)

безотчётному желанию, он стащил нескладное тело с туманной подушки, встал на все лапы, – это опять далось нелегко, – и неуклюже, боком, понёсся прочь от горбатой горы. Сейчас он, как никогда, ощущал чужеродность. Одновременно, изношенное вместилище биотканей и микросхем накрывало чувством полноты. И, когда, он рухнул на землю от усталости – лапы, особенно передние, горели, из темноты, раздалось:

– Тмар ини?⁸

---

⁸ Учитель? (третья сила)

2. Дальний лес. Гости

Девчонки всегда воображают себя принцессами. Маленькая жительница Совушков не была исключением. День складывался как нельзя лучше. А как он должен сложиться, если на вас новое платье цвета жасмина. Так сказала мама, а она уж знает толк в цветах. Хотя продавщица в магазине почему-то сказала, что оно цвета слоновой кости. Брр! Ну, как платье может быть цвета каких-то костей?! «Вот пусть эта тётя сама и носит костяную одежду», – решила девочка. И так, на ней было жасминовое платье, которое от ярких солнечных лучей казалось ещё красивее, и она ехала в гости к любимой тёте. Девочка расстегнула кофту, чтобы не мешать пайеткам блестеть, и шагала рядом с мамой, совершенно счастливая. А час назад мама созвонилась с сестрой.

– Свет! Подровняй нам лохмы! – попросила она.

– Приводи! – с готовностью отозвалась тётя Света, прижав телефон плечом.

Тётя Светины руки ловко выдёргивали прядки волос посетительницы под целлофановой накидкой.

– Да у меня занятие, не могу. Я на автобус её посажу, а ты встретишь. Ладно?

– Ничего себе! И как давно моя племянка самостоятельно разъезжает? – улынулась Света.

– Ну, если честно, в первый раз. Но мы уже сто раз к тебе ездили! Она каждую остановку знает!

– Эх! Когда уже машину купите! Ну, давай, давай, – заторопилась тётя, – уже бегу встречать!

Собралась Яся быстро, ей очень нравилось у Светы на работе: запах парикмахерской, и манипуляции с волосами она обожала. Благодаря тёте, Ясеника тоже хотела стать парикмахером, но пока это был секрет.

– Доедешь, сразу позвони! – наказала мама, – Света встретит. Сразу, слышишь! Мама строго поглядела в серые, с карими искорками, глаза. Ясеника уселась в автобус, ежедневно курсирующий из Южных Совушков в Северные, воткнула наушники, и автобус тронулся. Она ещё махала маме, но уже представляла, как будет болтать с тётей, пить чай, и как Света будет колдовать над её волосами, за лето превратившимися в настоящую копну. Когда у женщины с высокой причёской, сидящей впереди, заиграл телефон, девочка очнулась, но было поздно – она безнадежно пропустила остановку. Как и все дети в такой ситуации, она сделала вид, что ничего такого не произошло, встала и вышла. Перед ней стояла тумба остановки, за ней – сплошная лесная стена. Самая окраина. Автобус отчалил. Лес, нехотя, заканчивал свои владения, на другой стороне раскинулись дачные массивы. Мелькнула яркая фигурка, кто-то переходил через дорогу. Не долго думая, Ясеника рванула за бабушкой в ярком платке и не менее ярком спортивном костюме.

– Э-это куда ведёт? – махнула она в сторону тропы, догнав бабушку. Та, от неожиданности, чуть не выронила корзину, накрытую клетчатым платком. Обычно Ясеника вела себя гораздо вежливее. Но не каждый день впервые едешь к тёте одна – боязно, что бы там ты не говорила.

– Так, в Совушки, милая, в Северные! – несколько удивлённо ответила бабушка, – тебе куда?

– Спасибо! – опередив бабушку, девочка побежала вперёд. Старушка покачала головой, остановившись передохнуть. Стало темнее, лес, полноправный хозяин, обступал со всех сторон, закрывал дорогу непрошеным гостям. Здесь было гораздо сумрачнее. «Вот сейчас, – спешила девочка, – вот ещё чуть-чуть!» Тропа, расстилающаяся перед ней, выглядела уютно и гостеприимно, совсем, как ковровая дорожка. Топай да топай. Всё бы ничего, но Ясе-

ника порядком озябла: казалось здесь, в лесном царстве, вместо лета вступила в права осень. Девочка уже сто раз пожалела: лучше бы с бабушкой пошла! Неожиданно она вздрогнула, послышался шум приближающихся шагов. Скорее, топот. Она торопливо сбежала с тропы, спрятавшись за большое дерево. Шум прекратился так же быстро, как и начался. «Другой дорогой пошли? Свернули?» – пожав плечами, девочка глянула вверх, – деревья, казалось, выросли на сто метров, стали просто громадными, качались где-то в вышине их могучие кроны. Ей вдруг представилось, что она – гном. «Вот кому по-настоящему страшно!» Ясеника стала подниматься, но возле камня что-то блеснуло. Она потянулась и нащупала небольшой шарик. В такие же стеклянные шары с вихрящейся снежной крупой над крышами домиков, прячут зиму. Потрясёшь – пойдёт снег. У этого были перламутровые стенки. Но как Ясеника ни пыталась заглянуть вглубь, приставив, как подзорную трубу, как ни трясла, ничего не разглядела. Даже зачем-то подняла шар вверх. Безрезультатно. Зажав находку в правой руке, ни жива, ни мертва, вздрагивая от каждого взмаха крыльев многочисленных пичужек, девочка припустила по-настоящему. И только когда вдалеке показались крыши северных Совушек, замедлила шаг, чтобы отдышаться.

– Ну, наконец-то! – две пары тонких и прозрачных рук, от которых исходил мягкий голубоватый свет, попытались выхватить находку Ясеники. От неожиданности, – кроме рук, в полумраке ничего не было видно, – разжав ладони, девочка отпрянула назад, но споткнувшись, уселась на пятую точку; шарик, вспыхнув, закатился в кусты бересклета. Вытаращив глаза, Ясеника дрожала от страха.

– Лесные отцы! Наконец-то! От Ветрени пожаловали! Заждались уже! – перебивая друг друга, зазвучали высокие голоски невидимых обладателей фосфорецирующих рук.

Что-то было необычное в том, что слышала напуганная путешественница. Слова, а это была, безусловно, речь, очень напоминали звуки, которые любила слушать девочка, доставая из буфета вазу. В ней мама ставила на стол конфеты на день рождения. Ясеника никогда не могла отказать себе в удовольствии взять ложечку, и тихонько постучать по ажурным краям старинной вазы. «А вы кто?» – собиралась было спросить девочка, но он застрял где-то глубоко в горле. Вместо этого Яся уверенно произнесла:

– Ка у рин па утак?⁹

Её голос прозвучал не менее хрустально. Девочка потрясла головой. «Что происходит?!» Но незнакомки всё отлично поняли.

– А рин па уса! Рин па уса!¹⁰ – хором ответили два невидимых голоса.

Руки и голоса сначала исчезли, – кто-то будто играл в прятки, – а потом опять раздался хрустальный смех, и мало-помалу, из сумеречного воздуха, как из слюдяной сферы стеклодува, выдулись две девочки, постарше и значительно выше Ясеники. Сначала – длинные зеленоватые волосы, потом руки, тонкое тело, и платье с широким подолом. Вокруг незнакомок было слабое свечение. Перестав смеяться, они очень серьёзно произнесли:

– Мы помощницы Листвени и Туманницы. Ты новенькая, что ли?

Одна из девушек протянула руку к густым русым волосам Ясеники, потрогала, и кивнула второй. Приняв молчание ошеломлённой путешественницы за согласие, юные создания вытащили из кустов засевшую там ёжиком лампу, и полетели прочь. Ясенике казалось, что всё происходило не с ней. Передвигались незнакомки очень быстро.

– Наконец-то огонёк будет! – донеслось уже издалека. – До малиновой зари! – донеслось до Ясеники. И только она перевела дух, поднявшись с тропинки, и отряхнув платье, как одна из девушек вернулась.

– А рассаду, рассаду туманную принесла? – вперилась та в потерявшую дар речи Ясенику.

---

⁹ Доброго дня! (третья сила)

¹⁰ Приветствуем, фея! (третья сила)

У девушки были синие волосы.

Ясеника замотала головой, не желая верить в происходящее. «Я, наверное, сплю. Конечно, сплю!» Как только помощницы скрылись, Ясеника ущипнула себя за руку, а почувствовав боль, всё равно не поверила. «Такого быть не может! Не может, и точка! Хотя... Может, уже изобрели сны с реальными ощущениями? Изобрели же кино 3D? Вот если на остановке тётя Света, то это точно не сон, хотя что мешает тёте Свете пробраться в мой сон?» Девочка припустила прочь, боясь открыть рот – а вдруг опять зазвенят эти хрустальные колокольчики?

Тётя Света расхаживала по остановке уже полчаса, автобус давно пришёл, но племянницы в нём не было! Девчушка выкатилась из кустов, чуть не сбив тётю с ног.

– Господи! Ты где была? С тобой всё в порядке? – закричала тётя Света, ощупывая руки, ноги, и голову непоседы.

Ясеника внимательно присматривалась к тёте, даже потрогала за руку: желание понять, что произошло, отодвинуло на второй план недавно пережитый страх. «Вроде, настоящая», – решила девочка, но не знала, радоваться или огорчаться. Она повисла на тётинной шее, и, наконец, решилась открыть рот. Откуда вылетели самые обычные, не хрустальные, слова.

– Свет! Я немножко заблудилась! Всё хорошо, не переживай! Давай маме не скажем! – прошептала девочка тёте на ухо. На правое. Которое явно было настоящее: слегка оттопыренное, с крупной раковиной, подчёркивающей артистизм и любознательность натуры. Такие уши были у всех Тарафоновых.

3. Деревяшка. Начало

Его сородичи уже давно сидели в воде, но Лягух точно знал: ещё можно было погреть начавшую дубеть пупырчатую шкурку. Ласковые лучи коснулись тельца, он раздул щёки, низко затурлыкал, но в ту же секунду был сметён, и, неуклюже дрыгаясь, завалился в кусты.

В воздухе, над пышным, со свекольными стеблями, лопухом, раскачивался небольшой продолговатый предмет, похожий на деревяшку. Его тянуло то влево, то резко вправо, то, наоборот, вправо, и потом влево. Затаившись, лягух тщетно выпучивал окуны глаза, но, кроме деревяшки, никого не видел.

Ощетинившись пурпурно-лиловыми стрелами, колючие репейники, стукнувшись о невидимое, начали бумкаться вниз. Попадая при этом прямо в бугорчатый бок лягуха. Мощный куст заколыхался: полетела ответная гроздь. После чьей-то непродолжительной невидимой возни деревяшку бросили. Она упала под куст бузины, в траву, на хвойную подстилку, а куст озарился разноцветной радугой, заметной даже при дневном свете.

Над изумрудно-зелёными макушками елей и охряными берёзами вставало мягкое солнце позднего лета.

4. Необычный обход

«Показалось? – Михаил Терентьевич Левенпорт долго шурился, выйдя из лесного сумрака на свет: на поляне, там, где примятая трава ещё хранила его вчерашние следы, – обход лесничий совершал каждое утро, – в корнях старого, в десять обхватов толщиной, дуба, виделся ему, конечно же, мираж. «Не может быть», – решил лесничий, – вчера ж тут проходил...»

Барс никогда не ошибался. Середина лета – сухая листва враз схватывалась языками пламени от брошенной спички, или костра. Кроме туристов, озоровали и дети – каникулы. Поэтому Левенпорт, не раздумывая, бросился следом. Густая трава на глазах лесничего зашипела, пошла искриться, и, как разгоревшийся бенгальский огонь, расцвела на самых кончиках. Прожигало даже через плотную ткань штанов и толстые подошвы. Цыкнув на пса, – тот сразу унялся, – стиснув зубы и подпрыгивая, Терентьевич пробирался туда, куда бежали, разгораясь, кусачие огоньки. А бежали они к бревенчатому, местами потемневшему от времени, – окна, двери, крыша, – дому. Самой настоящей избе, сложенной из тёмных брёвен, каких в Совушках не счесть. Вот её-то, по мнению Левенпорта, вчера тут не наблюдалось. Мерещится? Разное говорили о Дальнем лесе, но он только отмахивался, дескать, сказки. С домашней нечистью, конечно, сталкивался – в его сторожке в Дубовом лесу и чашками брэнчал, и по стенам стучало, иногда – предупреждало или будило. С этими он дружил, хотя во всеуслышанье отрицал их существование. Оказавшись, наконец, совсем близко, Терентьевич с облегчением вздохнул: курьих ножек нет, хотя и похоже на жилище Яги. Ладонь нащупала тёплую поверхность: вполне настоящий, хотя соорудить такую не то, что дня, месяца не хватит! Дом вдруг полыхнул, затрещали брёвна. Терентьевич сбивал огонь, но пламя только росло на глазах. «Да что ж такое?!» – только и успел подумать Левенпорт. Закаркал ворон, но его раскатистое «ка-а-аррр» внезапно оборвалось, а лесничего отбросило на несколько метров назад, погрузив в мягкую пенную воронку. Оглушило, как в детстве, когда он на спор прыгнул в воду с крутого обрыва. Мальчик тогда сильно ушибся, и едва не утонул.

Бревенчатая стена исчезла. Плотный туман поглотил и его, и прочий птичий гомон, шум деревьев, шкворчащих насекомых. «Барс!» – попытался крикнуть Терентьевич, – но изо рта вырвались только клубы пара. Выставив руки, он почувствовал неожиданно упругую поверхность неплотной с виду субстанции. Ноги, отяжелев, завязли, как в цементе. Метнулся назад – облако больше его собственного роста не пустило, мягко задержав в своих объятьях. Совсем, как во сне, когда хочешь бежать из кошмарного видения, а не можешь. Хочешь крикнуть, а не можешь издать ни звука.

* * *

Из дома выбежало тонкое, полупрозрачное создание, с длинными зелёными волосами, плавно переходящими в мерцающий подол невесомой одежды. Бирюзовое пламя, пылающее вокруг, враз погасло. Увидев разлитое в воздухе густое молоко, оно кидалось то в одну, то в другую сторону, подлетало на несколько метров вверх, спускалось вниз, что-то лопоча, как будто пытаясь сдвинуть, стянуть воздух тонкими пальцами. Длинные волосы подскакивали, не успевая за быстрыми, но плавными движениями. Ничего не получалось. Навстречу бросились два других, поменьше. Наклонив голову, зеленоволосая переводила взгляд с седой макушки одного на чрезвычайно светлую, как будто выгоревшую на солнце другого.

– У а-ка тли са?¹¹ – наконец, грозно изрекло существо.

---

¹¹ Кто это сделал? (третья сила)

Маленькие с минуту смотрели друг на друга, а потом один, подхватившись, убежал в лес, чтобы через несколько минут вернуться, протягивая на коричневой ладони продолговатый лучившийся предмет.

Задумавшись, лесное существо что-то пробормотало. Предмет, вырвавшись из рук, начал проделывать то же самое, что чуть раньше зеленоволосая: выстреливал вправо, влево, наискосок, ввысь – искал невидимую прореху, чтобы зашить её, затянуть, заштопать. Дело пошло.

И хотя невидимый барьер встал молниеносно, для того, кто выкатился из ямы у молодого вяза, и огромным сероватым шаром пронесся в чащу леса, на север от жилища леших, достаточно было и доли секунды. И без того внушительных размеров, охнув, как спиленное дерево, оно растянулось в разные стороны, удлинилось, выпростав вывихнутые, как у кузнечика, конечности. Обозначилось большое тело, передние конечности и голова. Цвет существа поменялся на светло-коричневый. Оно продолжало передвигаться на четырёх толстых, сплошь покрытых гигантскими щетинками, лапах, минуя непроходимые заросли. Что было удивительно: впереди, ближе ко лбу, виднелись только пугающе неровные, раздувающиеся при движении ноздри.

«Обалдеть!» – Терентьевич разглядывал траву, стоя на коленях: целёхонькая, без малейших следов огня.

Белая мгла исчезла. Лесничий, как в первый раз, рассматривал стволы, кусты, внимал птичьим трелям. Ни домика, ни гари. Из леса выскочил Барс, едва не сбив с ног. «Сколько ж проплутал?» – думал Левенпорт. Длинные стволы косматых теней подсказывали, что уже вечер. Михаил Терентьевич растерянно улыбнулся – странное ощущение, что его провели, не проходило. «Двадцать лет работаю, а тут здрасьте-пожалуйста»

– Барс! – позвал хозяин.

Пёс вскинул голову, – голос звучал неуверенно, – но потрусил за хозяином. Дуб провожал степенно, молчаливо, как и полагалось старейшине. Белели ободранные толстые корявые корни. Причудливо изогнувшись, нависали над нижними ветвями, продолжая стелиться уже по земле, лианами вплетаясь в ветви соседних деревьев. Лесничий ещё долго оглядывался...

Карысал исчез в складках одежды зеленоволосой. Было отчего запаниковать: «совоокие» не должны видеть жилище! «А дети, – улыбнулась фея, – как всегда! Главное – найти оправдание!» И Тормоша, конечно, первый.

– Дед забыл убрать, а мы... – запнулся один.

– За себя говори! – строго сказала фея.

– Вечно старшим достаётся, – пробурчал Тормоша.

– Мы вместе нашли! – вступился тот, что поменьше, – хотели отдать...

– Да! – подхватил старший, – его не было. А мы... управлять не можем, – пожал он худыми плечиками.

– Понятно, – обладательница зелёных волос взлохматила обоих, – маму попросить тоже забыли...

С ветки слетел большой чёрный ворон.

На бархатистой поверхности листа, в капле, заиграли блики, превратив её в маленький бриллиант. Он ослепил на мгновение лягуха, робко высунувшего лапку из-под куста.

Тяжёло сопя, взрывая передними и задними, шестипальными, плотно прижатыми к земле лапами, фонтаны земли, существо целенаправленно шло по одному ему известному маршруту.

Стало понятно, как оно находит путь: почти на самой макушке вращались в разные стороны небольшие выпуклые сферы. Они охватывали абсолютно всё. А на месте глаз темнела полоска. Остановившись, оно подтянуло конечности, при этом переднюю часть туловища раскладным шлангом резко выбросило вверх. С трудом удерживаясь на том, что было обычными лапами с вывихнутыми голеньями, а теперь более напоминало ступни, выпрямилось несуразное, примерно, метр девяносто человеческого роста, создание. Уравновесив верхнюю, более мощ-

ную часть тела, с нижней, оно двинулось в направлении Больших Совушков. Только раз, крутнув правой сферой в сторону и вниз, – полоска на лбу при этом засветилась, – существо резко наступило на жёлтый кустик. Раздался хруст, – посыпались перезрелые ягоды, – и всплеск воды.

Едва не отдавленная лапка не позволяла лягуху плыть быстро, но добравшись до противоположного берега небольшого пруда, он засел в тёплом иле.

5. Дальний лес. Поход

В то время, как у Терентьевича в сторожке допоздна горел свет – лесничий пил чай, и пытался найти происшедшему разумное объяснение, Татьяна Николаевна Шторыменко и Фёдор Дмитриевич Калягин из школы номер 9 Южных Совушков, засиделись. Последние детали похода пришкольного лагеря на Воробьиное озеро обсудили, план подготовили, но молодые преподаватели, знакомые со студенческой скамьи, никак не могли разойтись, общие друзья и знакомые – неистощимая тема для разговоров. Посудачили и о новом, неугомонном специалисте – психологе. За небольшой промежуток времени Анастасия Корнеевна успела вызвать к себе антипатию, как преподавателей, так и школьников. Постоянные тестирования с пристрастием, желание выявить в школьных и учительских коллективах лидеров и «серых кардиналов», – кому понравится. Добралась даже до первоклашек. «Карьеристка», – сходились во мнении Фёдор с Татьяной.

– Представляешь, – почему-то шёпотом сказала Татьяна, – учителя в 11ой школе теперь в шесть утра на работу приходят!

– Зачем? – улыбнулся Фёдор, – на пробежку?

– Не веришь! – хмыкнула Татьяна, – у меня там подружка библиотекарем работает. Она, ну, Шура, только из отпуска, пораньше на работу пришла. Порядок навести, то сё. – Фёдор открыл рот. – Так вот, приехала, а там... В общем, весь коллектив, и директор! В масках, ушках, – ну, детских таких. Вокруг школы носятся! Даже по крыше! – рассмеялась Татьяна.

Фёдор взъерошил копну волос. А делал он это всегда, – Татьяна знала, – когда сильно волновался.

– Анастасия Корнеевна квест, видите-ли, проводила! Поиск сокровищ!

– Чёрт знает что! Слушай, от Аглаи Васильевны ничего такого... Никогда...

Завуч 11ой школы часто бывала у Калягиных дома, прительствуя с мамой Фёдора.

– Ты что думаешь, – строго глянула Татьяна, – твоя мама и Аглая при тебе всё-всё обсуждают?

Она наклонилась к самому уху собеседника.

– Просто Анастасия Корнеевна всех запугала. «Если не придёте, – говорит, – на квест, то такую характеристику напишу, что с ней легче уволить, чем дальше работать!»

– Вот оно что, – невесело заметил Фёдор. – И что, на неё совсем управы нет?

Татьяна впервые за несколько лет посмотрела на физрука с удивлением и интересом. Из-за мягкости, унаследованной Фёдором от бабушки и мамы, Татьяна относилась к нему, как к младшему брату. За спиной их считали женихом и невестой. На деле – до этого было далеко.

На следующий день сонные, но уже достаточно задиристые дети выстроились в линейку на школьной площадке, рассчитались, встали по парам и пошагали за физруком. В последний момент присоединилась Елена Петровна, директор, чьё появление было встречено разве что не бурными аплодисментами. Ещё бы, психолога не будет!

– Татьяна Николаевна! – топал едва заметный под огромным рюкзаком, на котором, как всегда, красовался большой синий паук, первоклассник Мишка Котов, – а правда, что на Тарнуке золото спрятали?

– Миша, мы – на Воробьиное, – ответила Татьяна Николаевна, но про себя подумала: «Тарнук! Ещё бы не знать!»

– А, правда, там чорыши живут? – подхватила Лиза Сороченко.

Татьяна Николаевна даже бровью не повела: привыкла. Этих вопросов всегда было достаточно на различных детских мероприятиях. И решила воспользоваться случаем, развеять детские страхи и фантазии на эту тему.

– Никаких чорышей не бывает! – улыбаясь, поставила она точку в бесконечной теме горы Тарнук.

Про золото здесь знал каждый. Непременный пункт экскурсионных программ, гора была местной достопримечательностью. Но не только совушкинцы посвящали свободное время поиску сокровищ, якобы запрятанных там лет двести назад купцом Аверьяновым. В окрестностях Тарнука, с её неглубокой, но длинной, порожистой речкой Ерныш, бродили и приезжие. Каждый выходной из электрички вываливался забавный народ, и точно можно было сказать, что в рюкзаках, – от мала до велика, – непременно металлоискатели, рамки, и даже лозы. Сокровища так никто и не нашёл. Много лет назад кому-то посчастливилось найти большой самородок, имя этого счастливица давно позабыли. Только не Татьяна Николаевна. Она знала точно: это был её родной дед, Святослав.

А единственной причиной, по которой молодой преподаватель сторонилась всего связанного с совушкинским клондайком – это то, что таинственным золотом заболели её отец, и дядя. И это из-за него распались обе семьи: сначала деда, потом – отца.

– Елен Петровна! – выглянула из-за плывущей разноцветной вереницы Татьяна, – уже скоро озеро? Миша! – окрикнула она Котова, который норовил попробовать и сорвать всё, что росло вдоль тропы, – волчью ягоду есть нельзя, встань в строй!

– Я волком стану, да, Татьяна Николаевна? – уточнил Миша с человеком-пауком и на кепке.

– Будешь так себя вести, волком стану я! – грозно отозвалась вожатая.

В строй он всё же встал, дети оживлённо загудели, а двадцать три пары озорных глаз уставились на вожатую. Строй двигался неровно, выпячиваясь то в одну, то в другую сторону – пришкольный лагерь выбрался в давно обещанный поход. Все ждали костра, устали и хотели есть.

Лес всё больше сгущался, тропка петляла. В глазах Елены Петровны она двоилась и даже троилась. Вот, кажется, и дуб пошевелился навстречу гостям, ветки наклонил.

* * *

– Таия ия сяу ту¹²? – шёпотом спросил Терёма брата, услышав слабый гул.

Расправившись с древоведением и птиценаблюдением, – по мыслеведению, к счастью, ничего не задавали, Тормоша заскучал. Поэтому живо откликнулся, в мгновение ока оказавшись рядом с младшим. Шум усилился: многоногое животное ступало по тропе, распеваясь на разные голоса, а вскоре возникли и сами гости. Во главе – взрослая совоокая с рюкзаком, в кепке, за ней – маленькие шанулы. Понимать речь лешим было трудновато. Они затаились, а нестройный хор выводил: «Вместе весе-ло-о шагать по простооо-рам!». Невидимой стеной тропа защищала жилище леших: они видели шанулов, а те их – нет.

Подмигнув брату, Тормоша полез из окна. «Совсем без шерсти!» – подумал он, карабкаясь следом, и во все глаза таращась на шанулов. Тормоша обожал брата за изобретательность, хотя именно из-за неё, зачастую, влетало обоим.

---

¹² Совоокие? (третья сила)

6. Начало

Начальник лагеря, учительница русского и литературы, она же директор школы номер 9 Южных Совушков, вздохнула, сняла кепку, плюнув на комаров – не смотря на жару, их становилось всё больше, и уселась на большой, поросший мхом, плюшевый камень. Сосны и ели где-то, высоко-высоко, сходились макушками. «Сумрачно-уютно», – с удовольствием подобрала она нужный эпитет.

– Елен Петровна! – крикнул Фёдор, – дальше не пойдём?

– Карр! Карр! – где-то высоко в ветвях крикнул невидимый ворон.

– Привал, – подтвердила начальник лагеря, признавшись себе, что место не слишком подходящее.

Как по команде, строй развалился, дети снимали куртки, толстовки, расселись, весело болтая; кто-то уплетал мамин бутерброд. Беззаботно свистели маленькие птички: постукивал дятел, выводила незатейливую мелодию малиновка, журчала речка. Следя за порядком, Татьяна с удовольствием различала: вот – соловей, а там – певчий дрозд. После еды Фёдор организовал соревнования, но кусты цеплялись, слышалось ежеминутное «ой!» и «ай!».

Улучив минутку, Татьяна Николаевна присела под дерево сделать несколько набросков – блокнот и карандаш по привычке таскала с собой. Смахнув невидимое и щекотное с головы, она штриховала ствол старого дерева. Если учесть, что давно не упражнялась, получилось прилично. Что-то опять вползло на лоб, и Татьяна, вкочив и замахав руками, стряхнула сначала одного, потом второго и третьего муравья. Чёрные блестящие тельца, со всех концов поляны, маленькими ручейками стекались к тому месту, где она только что сидела. Татьяна быстро обошла дерево: мощный поток насекомых карабкался, успевая кусать и бросаться друг на друга. Достигшие самого верха беспомощно трепетали в воздухе лапками и туловищем, и друг за другом срывались вниз. Стало жутковато, – ничего подобного Татьяне никогда не приходилось видеть, – запахло жжённой резиной, и чем-то ещё. Так пахла трухлявая ржавая каска с рогами в папином гараже. Отец никак не мог её выкинуть, с этой штуковины – головного убора викингов, и началось его увлечение – поиск предметов старины и, попутно, золота. Эта штука, кстати, до сих пор, наверное, на прежнем месте – уходя, отец не забрал ничего. «Счастлив ли он? Нашёл то, что искал? – размышляла женщина, спеша отойти как можно быстрее от злополучного места. Доходили слухи, – в Совушках знают друг о друге всё или почти всё, – и о его экспедициях: отец, личность харизматичная, сколотил целый отряд таких же, как он, искателей приключений. А про его новую супругу, Вию Фёдоровну, мало что было известно, кроме того, что она – коллега Татьяны, преподаватель в детской музыкальной школе.

И дети, и взрослые одинаково сильно желали оказаться у озера, Елене Петровне, бывалому в прошлом туристу, идти дальше хотелось меньше и меньше. «Ну почему я не на диване с книжкой, и чашкой чая?», – мелькнула спасительная мысль.

Тормоша заулыбался. Наконец-то! Вот о чём подумала большая совоокая. Четвёрка по мыслеведению шанулов чего-нибудь, да стоит! Неожиданно, рядом с камнем, появились чашка и салатный диван в оранжевый цветочек. Белели открытые страницы книги, а от чашки поднимался пар.

Началась паника. Лешие наблюдали, как предводительница, выпустив из рук палку, вдруг стала медленно оседать на землю. К ней бросились двое других.

– Елен Петровна! – первой подбежала Татьяна, подхватив директора, – Фёдор! Ларису зови!

Директор, казалось, ничего не слышала. Только беззвучно открывала рот, ошарашенно глядя на поляну.

– Там...там, – указывала она в сторону цветного пятна на фоне сумрака.

Большой чёрный ворон слетел на землю, подпрыгивая всё ближе, и кося антрацитовым глазом. Татьяна с Фёдором устали в указанном направлении. Настал их черёд открывать рты. Только детям присутствие дивана придало веселья. Пока медработник Лариса колдовала над директрисой, они носились вокруг, то залазили на него, то спрыгивали и забирались обратно.

– Воур!¹³ – крикнул Терёма.

Терёма помчался за братом. Вертелось много вопросов, но лучше потом. Брату – виднее.

– С ногами нельзя! – крикнула Татьяна детям, но тут же прикусила язык. Произнеси она фразу раз в сто глупее, никто бы не заметил; все заняты. Какая чушь – заставлять детей не забираться в обуви на несуществующий диван! Когда директриса оправилась, вожатая и детвора, не дождавшись привычной команды командира, в недоумении топтались на месте. Что закончилось небольшой потасовкой: Ручкин нечаянно толкнул Котова, и задиры тут же принялись мутузить друг друга. Елена Петровна ощупывала землю в поисках посоха. Лариса взирала то на одного, то на другого, задерживаясь на Фёдоре, но тот безмолствовал. Вожатой пришлось взять управление на себя.

– Построились? – подражая директорским интонациям, бодро крикнула Татьяна.

С ужасом она успела заметить: на том месте, где совсем недавно красовался салатный диван, ничего, кроме обычных деревьев, не было. Найдя, наконец, посох, директор обрела второе дыхание. Татьяна не успела открыть рот, как раздалось её зычное:

– Каждый посмотрел на свою пару!

Как только силуэт замыкающего, Фёдора, скрылся из виду, неторопливо вышагивая и уже никого не боясь, показался ворон. Разговор, если это можно так назвать, не оставлял сомнений в том, что Учитель его в покое не оставит. Напугал его Леший, значит, в опасности все. За детей старый хранитель переживал, неотступно следил, охранял. Было одно безопасное место. Вот туда он и уведёт: сначала старшего, а потом – Терёму, младшего. Только осторожно. Перед глазами вставала ощеренная в зверином оскале морда Учителя. Худшие сомнения старика подтверждались.

Через Тропу проковылял уже не ворон, а довольно высокий, худой, с длинными зелёными волосами, острым носом, угольными глазками, и нависающими в минуты гнева седыми бровями, Леший. Он был настолько дряхл, что никто не принимал его всерьёз: ни хранители, ни Учитель. Последний ожидал, что старик пропадёт, подобно лешим, почувшим конец своей долгой ль-а¹⁴. Леший, и, вправду, день ото дня слабел, но знал одно снадобье.

Пришкольный лагерь «Солнышко» наконец-то добрался до Воробышки, как местные называли Воробыное озеро.

– Заключительный вопрос нашей супервикторины, – директриса уже оправилась, и вела себя на редкость спокойно, – какое животное, живущее только в одной точке земного шара, – в наших Больших Совушках, занесено в Красную книгу? Подсказка, – сложив руки рупором, добавила глухим, пиратским голосом, директор, – у него есть хобот, но это не слон!

Последнее замечание было встречено дружным смехом.

– У нас в заказнике много кого из Красной книги, – призадумалась отличница Вера Томина.

– Время на ответ истекло! – вещала Елена Петровна. – Приз уходит в музей «Поля чудес!» Та-там! – побарабанила директриса в воображаемый гонг. – Это животное называется, – она сделала паузу, чтобы через несколько секунд продолжить, – треванонгус!

Ещё были школьные байки Елены Петровны, костёр, в котором сварили картошку – помимо всего прочего, её тащил Фёдор в огромном рюкзаке, хоровод и просто беготня. Дирек-

---

¹³ Бежим!(третья сила)

¹⁴ Жизнь (третья сила)

тор осталась довольна: викторина, посвящённая флоре и фауне Больших Совушков, как, впрочем, и поход в целом, не считая отдельных моментов, удались.

7. Психолог

А в это время к северо-востоку от Совушков, где, как известно, начинались дачные массивы, в садово-огородном товариществе «Верхние Тыски», по улице Коробейников переулок, 8, Анастасия Корнеевна Брындюк, игнорируя птичьи трели, наслаждалась вкусом чая, – сегодня это был пакетик «Липтона». «Итак, что мы имеем? – размышляла она, – поход, на который возлагались большие надежды, для меня не состоялся. В экзаменационную комиссию директор, похоже, меня включать не собирается. И вообще, – нахмурилась психолог, – что-то слишком много косых взглядов в мою сторону». Она попыталась успокоиться, поглубже вдохнув, но разум уже встревожился. «Вчера, в столовой, именно на мне закончились котлеты. Все вокруг жевали эти прекрасные котлеты из белой, нежной рыбы, а мне предложили гуляш!» Сложив ладони куполом, психолог упрятала лицо. «Может, надумываю? Но тогда как объяснить, что Иван Францевич именно на мне перестал улыбаться! Всем: историчке, математичке, а, особенно, биологичке он рассыпался в любезностях. А ей, зашедшей в учительскую следом, не досталось ни капли внимания! Хлыщ! Завсегдатай учительской! Бездельник!»

И, вправду, издалека заметив любимую блузку психолога в чёрно-белую шахматную клетку, общительный физик всегда спешил обратиться с её пути.

«В навязчивых идеях – ничего хорошего, – дрожащими пальцами женщина набрала номер известного психоаналитика из города. «Один сеанс, всего один, и я в порядке. В порядке», – лихорадило психолога. Её ни смущало ни расстояние, которое придётся преодолеть, ни дороговизна приёма.

Вирвул точно знал направление. Ещё находясь в 20 метрах под землёй, в капсуле-личинке, где он и ему подобные по соседству проходили завершающий цикл, он уже знал, куда отправится. Главное – покинуть ненавистный пластиковый мешок. В нашпигованной информацией голове испорченной пластинкой прокручивались слова Наставника: «Хаос: вы должны создать его в мире шанулов, а проще всего это сделать через тех, кто вкладывает знания. Лишите их проводников – и наша миссия выполнена». Ему поставили ещё одну, пока неясную, цель. Наставник дал понять, что именно вирвул как нельзя лучше подходит для неё. Биоробот прилежно впитывал информацию каждой клеточкой своего тела. Именно от этого, он знал, зависит длина его биологического цикла.

В голову транслировались незнакомые словоформы: указатель «остановка «Ферма», «северо-восток», «Коробейников переулок, 8». Более, чем сильно фонило: категоричностью, одиночностью, амбициозностью, властолюбием, нелюбовью к своему миру – миру шанулов. «То, что надо», – сразу понял вирвул, царапая пол дачной террасы Брындюк.

Любой нормальный человек содрогнулся бы при виде чудовища. Анастасия Корнеевна, сгорбившись, с хрустом разгрызала мягкие морские камушки, – верное средство для успокоения, – приговаривая: «Приходите на готовенькое. Всё разгребёшь – и вы тут как тут! Вам – все лавры!» Рассматривая свежие фото в телефонной галерее – директор выполнила обещание, скинув сегодня наиболее интересные моменты похода, задержалась на фотографии Татьяны Николаевны и Фёдора. «Эти двое – не разлей вода. Что их связывает?» Работаешь, работаешь с коллективом, а этим – все сливки! Кого будут больше любить: руководителя турклуба, милашку-учительницу начальных классов, или специалиста, указывающего на явные недостатки у отдельных личностей и коллектива в целом?» Анастасия Корнеевна поморщилась: откуда запах? Но её вниманием всецело завладел интересный кадр. Сделанный кем-то из-за макушек и косичек, он был бы неудачным, если бы не то, что открывалось в перспективе. Тот самый момент, когда диван с чашкой и книгой ещё отчётливо просматривался, а вожатая и физрук помогали в сторонке Елене Петровне, поэтому ни они, ни дети в кадр не вошли. «Смотри-ка, не так уж безнадежно. Фантазия бьёт ключом. Диван в лесу! Хотя, – насторожи-

лась психолог, – не перебор ли это, не показатель отрицательного потенциала радикала личности?» «Уточнить, кто предложил», – выводил её остро заточенный простой карандаш на белом листе. Последнее слово, оглушённая тяжёлым сопением, разорвавшим первозданную тишину садово-огородного товарищества «Верхние тыски», Анастасия Корнеевна оборвала на вехнем полукруге буквы «о», отчего она больше походила на пол-яйца. Всё напоминало замедленную съёмку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.